

«Письмо маме»

Только что пришла из «Глобуса» со встречи любителей поэзии клуба «Диалог», и под впечатлением у меня родилось вот такое эссе. Встреча была посвящена столетию Булата Окуджавы. Марина Раинчик увлечённо рассказала нам о драматичной судьбе поэта. О том, как он, 16-летний щуплый подросток, сам себе выписал повестку в военкомат и добровольцем пошёл на войну. А ведь в это время его мама была в Карлаге, а отец расстрелян в 1937 году. Пройдут годы, и Булат Шалвович скажет: «Воевал не я. Воевал юноша с моим именем и фамилией. Он был романтичен, как впрочем, и большинство его сверстников, он был сыном врагов народа, и это его ранило и побуждало идти на фронт, чтобы доказать всем, чтобы все видели, что значит для него его прекрасная, единственная, неповторимая Отчизна». Ему так не хотелось быть слабее миллионов своих соотечественников. И он пошёл защищать Родину! Низкий поклон Булату. Через много лет он напишет:

*Где-нибудь на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе,
но из грехов нашей Родины вечной
не сотворите кумира себе.*

Окуджава был душой целого поколения, ещё задолго до гласности и перестройки его тихий и задушевный голос проник в душу каждого из нас. В то время, когда на Западе думали, что мы все ходим строем под «Интернационал», у нас был наш Булат Окуджава, были Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко. Их выступления собирали стадионы зрителей, вернее слушателей. Можете себе представить, что где-либо в Европе тысячи слушателей соберутся на стадионе, чтобы слушать стихи? Нет здесь таких слушателей, и нет таких поэтов.

А ещё я хочу напомнить читателям стихотворение Окуджавы «Письмо к маме». Булат написал его, когда мама вернулась из Карлага.

*Ты сидишь на нарах посреди Москвы.
Голова кружится от слепой тоски.
На окне – намордник, воля – за стеной,
Ниточка порвалась меж тобой и мной.
За железной дверью топчется солдат...
Прости его, мама: он не виноват,
Он себе на душу греха не берёт –
Он не за себя ведь – он ведь за народ.*

«Прости его, мама!» – этим рефреном завершается каждая строфа стихотворения, относящаяся и к простому солдату, и к следователю, и к

конвоиру, и к «вождю народов». В этом стихотворении нет ни слова гнева, ни хлёсткого разоблачения. Но с какой нравственной высоты звучат эти слова! И это хлещет больше, чем любые разоблачения. В этих строках поэт пытается осмыслить, стремится понять, как такое могло произойти с его семьёй и в целом со страной. Он обращается к матери, сосланной на лесоповал, и призывает её к милосердию, так как её палачи не ведали что творили. И мне невольно пришли на память слова, сказанные Иисусом Христом, которые он произнёс, будучи распятым на кресте: «Отец! Прости им, они не понимают, что делают!» (от Луки 23-34).

И тут я не могу не вспомнить и о судьбе нашей мамы, которую тоже арестовали и осудили на 10 лет. Осудили за «агитацию к эмиграции». Она вслух сказала, что её брат живёт в Канаде, и когда-нибудь он пришлёт ей вызов, и она эмигрирует в Канаду. После вынесения приговора нашей старшей сестре дали пять минут для прощания. И в это время мама успела ей сказать, что на неё донесла пионервожатая школы. И просила не обвинять её: «Она ведь молодая, комсомолка, её заставили, на суде она плакала и не могла повторить свои показания». Сколько милосердия и, можно сказать, даже сострадания в этом эпизоде! И как это перекликается со строкой Окуджавы: «Прости его, мама» и со словами Иисуса: «Отец, прости им». Через много лет, совершенно неожиданно мы встретили эту пионервожатую. Она подошла к нам: «Я помню, как вы маленькие остались одни. Мы вас так жалели». В её голосе было сочувствие, и хотелось думать, что угрызения совести мучили её все эти годы. Мы простили, пусть и Бог ей простит.

Спасибо «Глобусу» за эти пару часов душевного общения. Живём мы в очень трудное время. Но до тех пор, пока «Моцарт на старенькой скрипке играет», и «часовые любви по Арбату идут», пока «у Пушкина снимается семейство», и «в тёмно-красном поёт для нас Дали», пока играет «надежды маленький оркестрик под управлением любви» – земля будет вертеться, и мир в конце концов образумится.

Маргарита Цыганова

